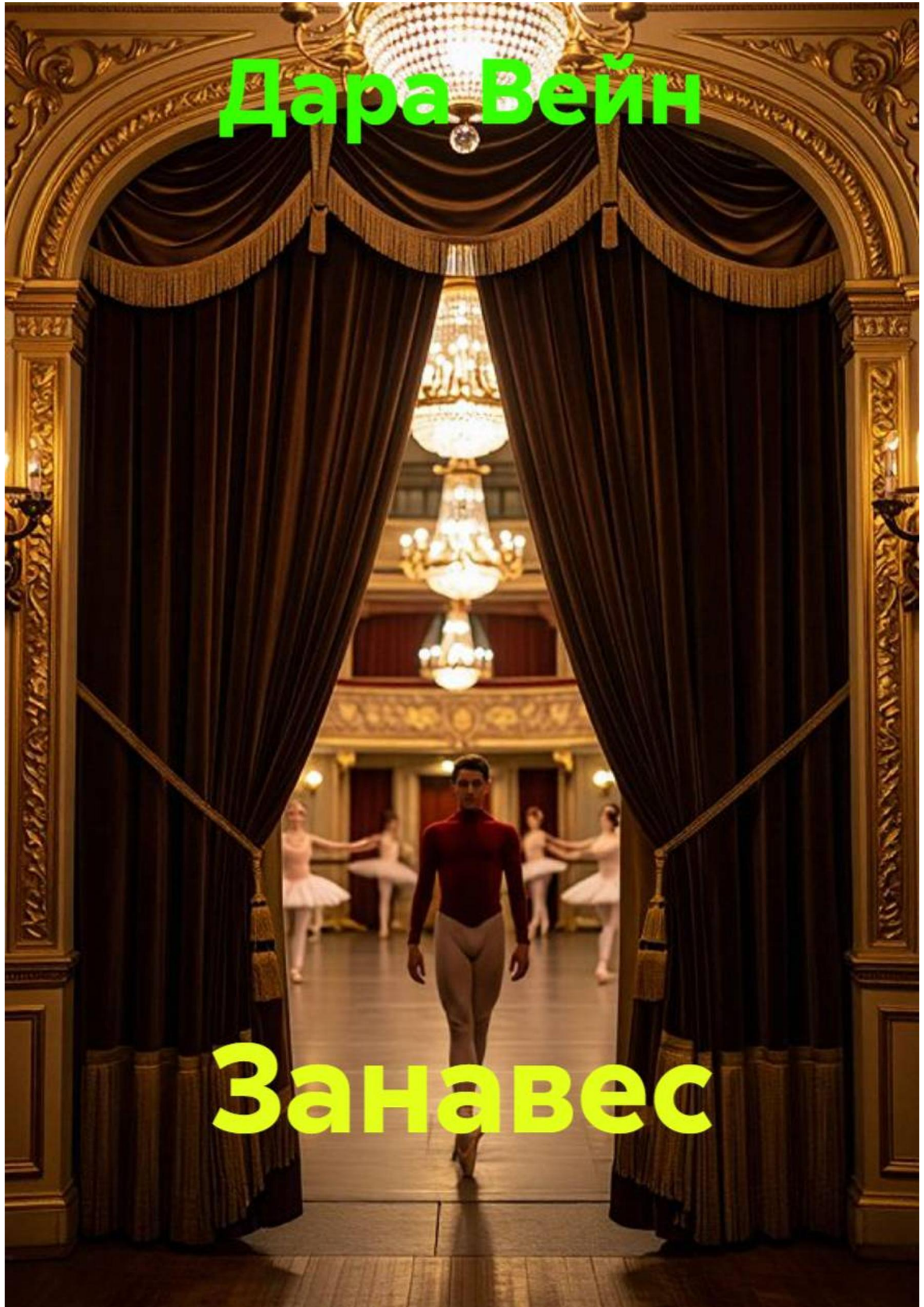

A man in a red leotard and white tights walks towards the camera through a grand, ornate theater doorway. The doorway is framed by heavy, dark blue curtains with gold fringe. In the background, several ballerinas in white tutus are visible, and a large, multi-tiered chandelier hangs from the ceiling. The scene is lit with warm, golden light.

Дара Вейн

Занавес

Дара Вейн
Занавес

«Автор»

2026

Вейн Д.

Занавес / Д. Вейн — «Автор», 2026

Большой театр. Золото, бархат, хрустальные люстры. За занавесом — другая жизнь: рваные колени, голодные обеды, гримёрки, где плачут в углу. Прима, которая боится стареть. Новичок, который готов на всё. Балетмейстер, который держит театр голосом. Спонсор, который покупает чужие сны. И одна отравленная пуанта, которая меняет всё. «Занавес» — роман о том, что скрывается за аплодисментами. О конкуренции, которая стирает дружбу. О таланте, который дороже денег, и о деньгах, которые дороже таланта. О женщинах, которые танцуют, пока могут — и молчат, когда не могут.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Занавес

ЗАНАВЕС

Роман о Большом театре

Дара Вейн

Аннотация

Большой театр. Золото, бархат, хрустальные люстры. За занавесом — другая жизнь: рваные колени, голодные обеды, гримёрки, где плачут в углу. Прима, которая боится стареть. Новичок, который готов на всё. Балетмейстер, который держит театр голосом. Спонсор, который покупает чужие сны. И одна отравленная пуанта, которая меняет всё.

«Занавес» — роман о том, что скрывается за аплодисментами. О конкуренции, которая стирает дружбу. О таланте, который дороже денег, и о деньгах, которые дороже таланта. О женщинах, которые танцуют, пока могут — и молчат, когда не могут.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИМА

Глава 1. Утро примы

Глава 2. Новенькая

Глава 3. Репетиция

Глава 4. Колено

Глава 5. Решение Лозинского

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЗА КУЛИСАМИ

Глава 6. Гримёрки

Глава 7. Балетмейстер

Глава 8. Спонсор

Глава 9. Кабинет на третьем этаже

Глава 10. Премьера Полины

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТРЕЩИНЫ

Глава 11. Возвращение

Глава 12. Жизель

Глава 13. Признание

Глава 14. Отравленная пуанта

Глава 15. Исповедь Тамары

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ЗАНАВЕС

Глава 16. Изгнание

Глава 17. Премьера

Глава 18. Последний поклон

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Глава 19. Лондон

Глава 20. Студия на Арбате

Глава 21. Девочка

ЭПИЛОГ

Пролог

Занавес поднимается за тридцать секунд. Тридцать секунд — и начинается спектакль. Тридцать секунд — и ты либо прима, либо никто.

Елена Азанова стояла за занавесом и слушала, как за стеной стихает зал. Две тысячи человек переставали дышать одновременно. Это был её звук — тишина двух тысяч, которая означала: они ждут.

Ей было сорок два. Двадцать лет на сцене Большого. Двадцать лет — каждое утро, каждый вечер, каждый выход. Колено говорило: хватит. Спина говорила: хватит. Зеркало говорило: ещё. Зеркало всегда говорит «ещё».

За кулисами горел свет. В гримёрке номер семь новенькая — Полина Вельская, двадцать один год, выпускница Вагановки — красила ресницы чужой тушью и не знала, что через неделю станет примой.

Занавес поднимается за тридцать секунд. Но эта история началась раньше.

Часть первая

ПРИМА

Глава 1. Утро примы

Шесть утра. Москва, ноябрь. За окном — серое, как разбавленное молоко. Елена Азанова открыла глаза и сразу почувствовала колено. Оно говорило с ней каждое утро — раньше будильника, раньше мыслей, раньше памяти.

«Доброе утро», — сказала колено.

Она лежала и смотрела в потолок. Потолок был белый, без трещин — ремонт делали три года назад, когда она получила премию за «Лебединое озеро». Три года. Тогда колено молчало.

Елена встала. Левая нога не согнулась. Она подождала — пять, десять, пятнадцать секунд — и колено сдалось. Хрустнуло, но согнулось. «Хорошо», — подумала Елена. «Сегодня хорошо.»

Кухня. Чёрный кофе без сахара. Тост без масла. Три миндалины. Она считала калории с шестнадцати лет — с тех пор, как педагог в училище сказал: «Балерина должна быть прозрачной.» Прозрачной. Слово, которое означало: невидимой, лёгкой, почти отсутствующей.

На столе — расписание. Сегодня: репетиция «Лебединого» с десяти до двух. Потом — примерка костюма для «Жизели». Потом — встреча с Лозинским. Последний пункт был подчеркнут дважды.

Лозинский. Валентин Сергеевич Лозинский — балетмейстер, художественный руководитель, человек, который решал, кто танцует, а кто смотрит. Ему было шестьдесят три. Он ходил с палкой — не потому что нужно, а потому что палка заставляла людей замолкать, когда он входил.

Елена допила кофе и пошла в ванную. Зеркало. Она смотрела на себя каждый день и каждый день не узнавала. Женщина в зеркале была красива — высокая, тонкая, с тёмными волосами, собранными в пучок. Но вокруг глаз — тени, которые не стирал ни один крем. А на шее — линии, которые появились в прошлом году и не собирались уходить.

«Сорок два», — сказала женщина в зеркале.

«Сорок два», — ответила Елена.

Она накрасилась — театральный грим, плотный, как штукатурка. Линия над бровью, тень под скуловой, румяна на щеках. За этим гримом можно было спрятать что угодно. Она прятала уже двадцать лет.

В коридоре — пальто, шарф, сумка. Ключи. Дверь закрылась, и Елена пошла вниз по лестнице. Лифт не работал — третий день. Она не жаловалась. Балерины не жалуются. Они ходят по лестнице и считают ступеньки.

На улице — мокрый снег. Машина ждала у подъезда. За рулём — Коля, водитель театра, который возил прим уже восемь лет и знал её молчание лучше, чем любой психолог.

«Доброе утро, Елена Дмитриевна.»

«Доброе.»

Она села. Коля включил радио. Передавали Чайковского. «Лебединое озеро», третий акт. Елена закрыла глаза.

Машина ехала по утренней Москве — мимо Тверской, мимо Манежа, мимо гостиницы «Националь», где когда-то отмечали её первую премьеру. Тогда ей было двадцать два. Тогда колено молчало. Тогда зритель аплодировал, и она не слышала — потому что слышала только себя.

Большой театр стоял впереди — белый, огромный, с колоннами, которые казались ещё больше в тумане. Елена вышла из машины и посмотрела вверх. На фронтоне — Аполлон. Он стоял в колеснице и правил четвёркой коней. Он не смотрел вниз.

«Я тоже», — подумала Елена и вошла.

Глава 2. Новенькая

Полина Вельская приехала в Москву три дня назад. Чемодан, сумка, рюкзак с пуантами. Поезд из Петербурга — восемь часов, ночь в плацкарте, бессонница, чужой храп за стеной.

Она стояла перед Большим театром и смотрела. Смотрела так, как смотрят на человека, которого любят давно и безответно. Снизу вверх — от колонн до фриза, от фриза до неба. Небо было серое, ноябрьское, равнодушное.

Полина была маленькая — сто шестьдесят два, худая, с русыми волосами и лицом, которое называли «интересным». Не красивое. Интересное. В балете «интересное» означало: запомнят. «Красивое» означало: забудут, потому что красивых много.

Она вошла через служебный вход — узкий коридор, запах розмарина и пота, лампы дневного света. У вахтёрши — список. Полина нашла свою фамилию. «Вельская, Полина Андреевна. Кордебалет. Временно.»

«Временно» — слово, которое горело.

Гримёрка номер семь — маленькая, на четверых. Зеркало, четыре стула, четыре крючка. Полина повесила сумку на последний — четвёртый — и села. Стул был холодный.

На столе — чужая помада, чужой клей для ресниц, чужая записка: «Не трогать. Это мой.» Подписи не было. Полина не тронула.

Дверь открылась. Женщина лет тридцати — высокая, с короткой стрижкой и красными от недосыпа глазами — вошла и посмотрела на Полину так, как смотрят на мебель, которая стоит не на своём месте.

«Ты новенькая?»

«Полина.»

«Тамара. Твой крючок — третий, не четвёртый. Четвёртый — мой.»

Полина молча перевесила сумку.

Тамара села, открыла банку с кремом и начала растирать стопу. Молча. Потом — не поворачиваясь:

«Первое правило: не верь никому, кто улыбается. Второе: не плачь в гримёрке. Третье: пуанты прячь в шкафчик и запирай. Здесь крадут.»

«Кто крадёт?»

Тамара повернулась. Лёгкая улыбка — без тепла.

«Все.»

Она вышла. Полина осталась одна. На столе — чужая помада, чужой клей, чужая записка. «Не трогать.» Она не тронула. Но прочитала ещё раз.

Глава 3. Репетиция

Репетиционный зал — третий этаж, окна на северо-восток. Свет — всегда одинаковый, дневной, без теней. Пол — деревянный, упругий, потёртый в тех местах, где стояли поколения балерин, которые потом ушли и не вернулись.

Елена стояла у станка. Левая нога — выворотность, которую она держала двадцать лет. Правая — идеальная. Колено — нет. Колено дрожало.

Лозинский сидел в углу на стуле. Палка — между колен. Он не говорил. Он смотрел.

Музыка — Чайковский, второй акт. Пиано, без оркестра. Концертмейстер — Маргарита Павловна, женщина, которая играла «Лебединое» сорок лет и не делала ни одной ошибки. Никогда.

Елена начала. Арабеск — левая нога вверх, правая — опора. Удержать. Пять секунд. Восемь. Десять. Колено — молчит. Хорошо.

Фуэте. Она считала — раз, два, три, четыре. Кружилась. Зал — серый, размытый, как фотография с длинной выдержкой. Пять, шесть, семь. Колено — хруст. Тихо. Только она слышала. Восемь, девять — стоп.

Она остановилась. Лозинский поднял палку.

«Девять. Раньше было шестнадцать.»

Елена молчала.

«Сядьте.»

Она села. Стул — рядом с ним. Палка легла на пол.

«Колено?»

«Работает.»

«Не врите мне. Я вижу. Я видел, когда вы хромали после «Спящей». Я видел, когда вы молчали в гримёрке после «Дон Кихота». Я вижу всё, Елена Дмитриевна. Я вижу, когда балерина уходит. Я вижу раньше, чем она сама.»

Елена сжала руки. Пальцы побелели.

«Мне нужен месяц.»

«У вас нет месяца. У вас есть три недели. Потом — «Жизель». Если вы не станцуете «Жизель» — я ставлю Вельскую.»

«Вельская — кордебалет.»

«Вельская — талант. Кордебалет — это место, а не приговор.»

Лозинский встал. Поднял палку. Отошёл к окну.

«Я не отменяю вас, Елена. Я готовлю замену. Это разные вещи. Готовить замену — значит уважать. Не готовить — значит обманывать. Я не обманываю своих.»

Он вышел. Елена осталась в зале одна. Маргарита Павловна перестала играть. Тишина — как после аплодисментов, только наоборот.

Елена посмотрела в зеркало. Зеркало сказала: «ещё». Колено сказала: «хватит».

Она встала и начала заново.

Глава 4. Колено

Травма пришла не сразу. Она копилась — годами, сезонами, спектаклями. Каждый прыжок — приземление. Каждое приземление — удар. Каждый удар — микротрещина. Миллион микротрещин, которые срослись неправильно, потому что ей некогда было лечиться. Некогда было болеть. Некогда было быть человеком.

Вторник. Репетиция «Лебединого», третий акт. Елена прыгнула — *grand jeté*, широкий, как всегда. Приземлилась. И услышала — не хруст, а звук. Звук, который бывает, когда рвётся ткань. Тихий. Личный. Между ней и коленом.

Она не упала. Она продолжила. Досмотрела акт до конца. Лозинский не заметил — или сделал вид.

В гримёрке она сняла пуант. Стопа — отёкшая, красная, горячая. Колено — опухло. Она приложила лёд — тот, который держала в термосумке, всегда, на всякий случай. Всякий случай наступал всё чаще.

Тамара вошла, увидела лёд, ничего не сказала. Села, начала шить пуанты — игла, нитка, молоток. Стук. Стук. Стук. Ритуал, который знала каждая балерина Большого.

«Врача?» — спросила Тамара, не поднимая глаз.

«Нет.»

«Глупо.»

«Глупо — это когда спрашиваешь, а потом говоришь, что знала ответ.»

Тамара подняла глаза. Посмотрела — долго, внимательно. Потом — кивнула.

«Хорошо. Не спрашиваю.»

Она вышла. Елена осталась с ледом и коленом. За стеной — Чайковский. Кто-то играл на пиано, и музыка просачивалась сквозь штукатурку, как вода.

Елена закрыла глаза. Колено говорило. Оно говорило давно — каждый день, каждое утро. Но сегодня оно говорило громко. Сегодня оно говорило то, что Елена не хотела слышать.

«Конец.»

Она не ответила. Она не отвечала колену. Она отвечала только зеркалу, а зеркало говорило: «ещё».

Глава 5. Решение Лозинского

Четверг. Кабинет Лозинского — второй этаж, окно на Театральный проезд. Палка — у стены. На столе — фотографии, программы, стакан с чаем, который он никогда не допивал.

Елена вошла без стука. Она всегда входила без стука — двадцать лет. Сегодня Лозинский не поднял глаз.

«Сядьте.»

Она села.

«Я видел запись вчерашней репетиции. Колено — левое, задняя крестообразная связка. Вы порвали её. Или почти.»

«Почти.»

«Почти — это уже. Вы знаете это не хуже меня. Я не врач, Елена Дмитриевна. Но я вижу балерин тридцать пять лет. Я видел, как уходят. По-разному — на руках, на носилках, с аплодисментами, без. Вы уходите. Вопрос — как.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.